

«ПЕЧАЛЬ И СМЕХ МОИХ КРЫЛЕЧЕК»

Во всех ролях он остается самым собой, крепким веселым сибиряком; этим и подкупает его талант. На днях актер столичного Театра на Таганке, заслуженный артист РСФСР Валерий Золотухин посетил нашу гостиную.

— Валерий Сергеевич, я позвонила вам домой — мне сказали, что вы на телевидении; с телевидения вы уехали в фирму «Мелодия», оттуда на «Мосфильм», а на «Мосфильме»...

— Достаточно, я все понял. Забот действительно много. На «Мосфильме» снимаюсь в картине «Человек с аккордеоном», которую ставит режиссер Николай Досталь по сценарию Анатолия Макарова; у меня главная роль — дядя Митя. Мне нравится этот открытый, добрый человек. Как и он, я закончил отделение оперетты ГИТИСа, в Москву приехал с аккордеоном. Дядя Митя после фронтовой контузии не смог играть в театре. И я сознавал, что труд в оперетте будет нелегким: при поступлении скрыл, что у меня больная нога (до 17 лет ходил на костылях). Поэтому обрадовался, ког-

да на IV курсе меня пригласили в драматический театр имени Моссовета. А через год перешел в Театр на Таганке. Аккордеон стал для дяди Мити частью его самого, и, работая бухгалтером, он свой артистизм не утратил, служит искусству... Пою в фильме довоенные и послевоенные песни, которые напоминают мне родной Алтай.

— А не похож ли по характеру дядя Митя на другого вашего героя, на Костю из фильма «И вот пришел Бумбо...»?

— Похож. У обоих подразумевается незаурядный талант, а честолюбие им неведомо. У них иные ценности, они богаты духовно, а в повседневной жизни довольствуются малым.

— Что нового у вас в театре?

— Готовимся к премьере классического произведения «На

дне» Горького. Работать над такими ролями, как Сатин, Барон, Лука, нам очень интересно. Я помню многих Сатиных, например Николая Симонова, Евгения Евстигнеева. Но мне кажется, такого трагического Сатина, как наш Иван Бортник, еще не было. Мой же Пепел обычен, но я полюбил своего Ваську, бесшабашного, доброго и несчастливого. В отличие от большинства обитателей ночлежки у него культурная лексика, нежная, тонкая душа. От роли и от работы с Анатолием Эфросом получил огромное удовольствие.

— Спорите вы с режиссерами?

— Очень часто, хотя и не всегда в этих спорах рождается истина. Мне надо, чтобы меня убедили в концепции всей роли. Хорошо, когда режиссер «выкапывает» в тебе то, чего ты сам в себе не подозревал.

— Влияют на формирование ваших образов картины, книги, музыка?

— Когда снимали «Бумбара-ша», я никак не мог увидеть

своего героя портретно, представить его мимику, пластику. Друзья прислали мне репродукцию картины Нестерова «Видение отроку Варфоломею». И мне показалось, что этот отрок внешне совпадает с моим настроением. Попросил себя соответственно постричь и покрасить. Так вот и нашел сочетание формы и содержания. Конечно, музыка влияет на настроение, тогда и в роли появляется иная нота. Сильный эмоциональный источник энергии — хорошая литература. Дневники Достоевского, например, или «Книга отражений» Иннокентия Анненского. Когда снимали «Маленькие трагедии», где я играю Моцарта, перечитал о композиторе очень много, но это иногда, как ни странно, мешает, и я следовал тому Моцарту, каким его увидел Пушкин.

— Как вы стали писать?

— Тосковал по родным местам, вот и взялся за перо. А теперь блокнот и авторучка со мной постоянно. Недавно в издательстве «Современник» вышла моя книжка «Печаль и смех моих крылечек». Почему такое название? Когда был маленьким, меня дома привязывали к крылечку, чтобы не ушел, и я пел

у крылечка. Так и остался привязанным к своей профессии, как к тем родительским крылечкам. «Крылечками» стали для меня сцена, а теперь и письменный стол.

— А что у вас нового на «крылечках» телевидения?

— Записали передачу «Поэзия Исаковского». Известные привычные песни, которые стали почти народными, например «Катюшу», «Ой, туманы мои», «Враги сожгли родную хату», я читаю стихами. Знаете, так звучат они совсем по-другому, возвращаясь к поэтическому началу. А в «Мелодии» готовится большая пластинка «Жив солдат» к 40-летию Победы. На ней записываем песни-баллады Вячеслава Гроховского на стихи Дмитрия Костюрина.

— А дома вы поете?

— Конечно. Для сыновей и сыновьями — как пел с нами мой отец Сергей Илларионович. И просто когда кто-нибудь просит, пою тоже. Всегда помню слова моего друга Володи Высоцкого: «Всем пой, кто попросит, не жалея себя, тогда тебя хватит».

В гостиной дежурила
Светлана ШЕВЧЕНКО.